

Почему граждане России не доверяют США: анализ данных Всемирного исследования ценностей

Р. С. Мухаметов

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Для цитирования: Мухаметов Р. С. Почему граждане России не доверяют США: анализ данных Всемирного исследования ценностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 2. С. 175–191. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.204>

Данные опросов общественного мнения в России показывают, что большинство россиян отрицательно относится к США. В этих условиях представляется интересным понять истоки антиамериканских настроений в российском обществе. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы определить факторы, которые объясняют природу антиамериканизма в массовом сознании граждан страны. Источником информации стали данные седьмой волны «Всемирного исследования ценностей». Автор предпринял попытку эмпирической проверки ряда рабочих гипотез, сформулированных на основных положениях теории постматериалистических ценностей Р. Инглхарта, концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона, а также гипотезы козла отпущения и теории относительной депривации и фрустрации. Полученные данные свидетельствуют о том, что, чем больше граждане считают Россию принадлежащей к европейской цивилизации, тем выше у них доверие к США. Статистический анализ демонстрирует, что для тех лиц, кто придерживается точки зрения, что Россия представляет собой самостоятельную/евразийскую цивилизацию, характерно негативное отношение к США. Показано, что антиамериканизм в России не зависит от ценностей, которых придерживаются граждане (традиционных или постматериалистических). Обнаружено, что тезис о том, что граждане, неудовлетворенные своим материальным положением, с большей вероятностью перенесут это недовольство на Вашингтон, не получил эмпирического подтверждения. Важным результатом данного исследования является то, что уровень антиамериканизма у женщин выше, чем у мужчин. В статье подчеркивается, что лица с более высоким уровнем образования менее критично настроены в отношении Соединенных Штатов.

Ключевые слова: антиамериканизм, общественное мнение, внешняя политика США, столкновение цивилизаций, гипотеза козла отпущения.

Введение

Российские полстеры (компании, которые специализируются на проведении маркетинговых и социологических исследований, изучении общественного мнения) сообщают, что **большинство россиян относится к США плохо (71 %)**, что является наиболее высоким показателем отрицательного отношения за весь постсоветский период [1]. Откуда берутся антиамериканские настроения в российском обществе? Почему и в какой степени россияне негативно относятся к США? Цель настоящей работы состоит в том, чтобы определить факторы, которые объясняют

природу антиамериканизма в массовом сознании граждан страны. Необходимо отметить, что под антиамериканизмом в этой статье понимается набор отрицательных взглядов на американские ценности и символы, культуру в целом, экономико-политическую систему США, американский образ жизни.

Данная работа не является первым исследованием, которое стремится найти истоки антиамериканизма в России. Среди существующих объяснений можно выделить несколько подходов. Во-первых, существует группа геополитических трактовок. Природа антиамериканских настроений связана с привычными/традиционными представлениями о противоречии интересов двух государств, соревновании за ведущую роль в мире, конфронтации двух великих держав [2]. Во-вторых, есть конъюнктурные интерпретации, в рамках которых отношение россиян к США зависит от информационного фона [3]. Причины антиамериканизма в российском обществе носят ситуативный характер, эти настроения являются реакцией на внешнюю политику США или на ее отдельные проявления, их динамика зависит от состояния межгосударственных отношений двух стран [4]. Исследователи подчеркивают, что отношение граждан к США меняется параллельно с изменениями внешнеполитического курса России по отношению к заокеанскому партнеру [5]. В-третьих, практикуется социологический подход. Российский антиамериканизм представляет собой совокупность механизмов негативной идентификации — самоопределения или самоконституции от противного. Антиамериканизм усиливается в ситуациях кризиса легитимности господства политической системы, являясь эффективным средством мобилизации и консолидации населения вокруг власти. Антиамериканизм блокирует у россиян возможность критического обсуждения политики собственного руководства, закрывая саму возможность ставить вопрос об ответственности власти перед населением [6]. В-четвертых, существует социально-психологический подход. Ряд исследователей считает, что разочарование/фрустрация (эмоциональная и идеологическая неудовлетворенность) результатами политических и экономических реформ 1990-х тесно связаны с антиамериканскими настроениями среди российского населения. Первоначальной движущей силой российского антиамериканизма было разочарование российского населения (особенно элиты) в связи с неудачными попытками вестернизации страны, тесно связанной с Соединенными Штатами [7; 8]. Наконец, есть инструментально-рациональный подход. Как отмечают теоретики данной точки зрения, ненависть является результатом политического рынка, на котором корыстные политические предприниматели (поставщики) взаимодействуют с обычными гражданами (потребителями). Политики питают ненависть, если она дополняет их политику. Ненависть не является врожденной, а представляет собой порождение конкретных политических субъектов, которые сталкиваются со стимулами для разжигания ненависти [9]. Исследователи отмечают, что антиамериканизм используется российской правящей элитой для, во-первых, обеспечения более широкой массовой поддержки и мобилизации общественного мнения; во-вторых, обоснования проведения ограничительной, запретительной, превентивно-защитной политики [10]. Современное российское антизападничество детерминировано рациональными интересами элиты, связанными со стремлением обеспечить консервацию существующего уровня распределения власти, а также образ Запада как врага призван «канализировать страх

и отводить ответную агрессию в надлежащее русло в соответствии с гласными и негласными распоряжениями» [11].

Таким образом, обзор литературы свидетельствует о том, что изучение российского антиамериканизма является актуальным направлением академических исследований. В то же время существующие работы обладают определенными ограничениями. Во-первых, часть из них посвящена элементарному описанию динамики изменения отношения граждан страны к США [12]. Во-вторых, основываясь на проведенных фокус-группах, предшествующие статьи показывают восприятие россиянами Соединенных Штатов. Данной работой мы вносим свой вклад в дискуссию об истоках и природе антиамериканизма в России на основе социологического опроса, проведенного в 2017 г. в рамках седьмой волны «Всемирного исследования ценностей» (World Values Survey).

Доверие/недоверие: концептуальные рамки

В настоящее время сложился консенсус относительно определения доверия. Описанный в сходных терминах рядом ученых термин «доверие» рассматривается как психологическое состояние, включающее намерение принять уязвимость, основанное на позитивных ожиданиях относительно намерений или поведения другого человека [13; 14]. Склонность к доверию означает степень, в которой человек демонстрирует постоянную тенденцию быть готовым зависеть от других людей в широком спектре ситуаций [15]. Доверие — это убежденность в том, что противоположная сторона может выполнять свои обязательства надежно и уверенно [16].

Гораздо меньше согласия существует относительно того, как следует концептуализировать недоверие. Большинство исследователей определяют доверие и недоверие как феномены на противоположных концах единой непрерывной конструкции. Низкое доверие рассматривается как эквивалент высокого недоверия и наоборот [17]. Недоверие рассматривается главным образом как отсутствие доверия. С этим тезисом не согласна другая часть исследователей, которые концептуализируют доверие и недоверие как отдельные, независимые, но связанные конструкции, в которых низкое недоверие не является высоким доверием, а высокое недоверие — это не то же самое, что низкое доверие [18, p. 425]. Другими словами, недоверие — это не просто отсутствие доверия, но активное ожидание того, что другая сторона будет подвергаться рискам чьи-либо благополучие и безопасность.

Высокое доверие включает надежду, веру или уверенность, высокое недоверие характеризуется страхом, подозрительностью или цинизмом. Низкое доверие лучше всего рассматривать как недостаток веры или надежды, а не как высокую подозрительность или страх. Аналогичным образом низкое недоверие рассматривается как отсутствие подозрительности или страха, а не как признак высокой веры или надежды [19]. Можно согласиться с Н. Луманом (N. Luhmann), который считает, что доверие рассматривается как «положительное ожидание благоприятного поведения партнера», недоверие — это «положительное ожидание вредных действий» [20, p. 72].

Недоверие — это вера в то, что партнер будет некомпетентен, проявит безответственное поведение, нарушит обязательства и не будет заботиться о чьем-либо благополучии или даже будет намерен причинить вред [21]. Это означает, что агент

будет действовать исключительно в своих собственных интересах, пренебрегая интересами партнера, несмотря на любое чувство вины или даже то, что обеспечение собственных интересов может включать вовлечение в поведение, наносящее ущерб партнеру [22]. По мнению П. Штомпки (P. Sztompka), культура недоверия характеризуется повсеместной, всеобщей атмосферой подозрительности, ведущей к отчуждению и пассивности [23, р. 22]. Объекту недоверия приписываются такие качества, как конфронтационность, лукавство, враждебность, отсутствие заботы и уважения к другим, а также эгоистичное и безответственное поведение [24].

Недоверие — это суждение или ожидание нежелательного поведения партнера, возникающее в результате полученной информации о его намерениях и действиях. Исследователи выделяют четыре недоверчивых убеждения, относящиеся:

1) к компетентности, то есть убеждению в том, что партнер не обладает компетенцией или властью, позволяющими им добиться успеха;

2) доброжелательности, то есть убеждению в нежелании действовать в интересах партнера;

3) честности — убеждению в том, что партнер действует недобросовестно, не говоря правды или не выполняя обещаний;

4) предсказуемости, то есть убеждению в том, что действия партнера недостаточно последовательны, чтобы быть предсказуемыми в конкретном контексте [25].

Детерминанты антиамериканизма: теоретические рамки и рабочие гипотезы

Существует несколько подходов к объяснению антиамериканских настроений у граждан.

Первый теоретический подход — это концепция постматериалистических ценностей. Термин «постматериализм» впервые был введен американским социологом Р. Инглхартом (R. Inglehart). Во второй половине XX в. в западных странах произошло изменение системы социокультурных ценностей и норм благодаря социально-экономической модернизации. До 1970-х гг. для людей были приоритетом так называемые материалистические ценности (физическое выживание, экономический рост и поддержание порядка). При низком уровне экономической безопасности важны сильная внутригрупповая солидарность, неприятие незнакомцев, подчинение групповым нормам, повиновение сильному лидеру. Низкий уровень жизни является благодатной почвой для развития ксенофобии, авторитаризма и традиционных норм. После Второй мировой войны в результате модернизации произошел сдвиг от материальных установок к постматериальным ценностям, от ценностей выживания — к индивидуальному самовыражению. Постматериалисты придают первостепенное значение таким целям, как защита окружающей среды, права человека, гендерное равенство. Высокий уровень жизни приносит более толерантный и открытый взгляд на мир [26; 27]. По мнению С. Хантингтона (S. Huntington), сегодня в США доминируют такие понятия, как глобализация, мультикультурализм (отказ от англо-протестантской культуры, утверждение многообразия культур), космополитизм (открытое общество с прозрачными границами, которое поощряет субнациональные, этнические, расовые и культурные идентичности, с элитой,

которая идентифицирует себя с глобальными мировыми институтами) [28]. Исходя из этого, антиамериканизм проистекает из реакции на вызовы, который бросает индивидуалистический/постматериалистический этос США традиционным системам господства и нормам.

Таким образом, из вышеназванных теоретических рассуждений можно заключить, что лица, которые придерживаются постматериалистических ценностей, больше доверяют США / менее критично настроены к Америке (гипотеза 1).

Второй подход связан с религиозным и культурным объяснением антиамериканизма. Данное теоретическое направление фокусируется на том, как религиозные идентичности могут быть социально сконструированы таким образом, чтобы создавать антагонистические линии разлома между США и конкретной страной или группой государств. На теоретическом уровне второй подход представлен концепцией столкновения цивилизаций С. Хантингтона. Основная мысль ученого состоит в том, что в мире после холодной войны наиболее важными являются не идеологические, экономические и политические, а культурные различия между людьми. В постбиполярном мире наиболее масштабные конфликты произойдут между народами, которые принадлежат к разным цивилизациям (наивысшим культурным общностям людей, центральными элементами которых выступают религия и язык). С. Хантингтон выделяет девять цивилизаций — западную, православную, японскую, исламскую, конфуцианскую, буддийскую, индуистскую, латиноамериканскую и африканскую [29].

В России сложилось несколько внешнеполитических школ, которые различаются между собой и по вопросу о цивилизационной принадлежности страны. Важно подчеркнуть, что ни в российской, ни в западной литературе не существует общепризнанной классификации отечественных направлений внешнеполитической мысли. Так, одни специалисты говорят о двух школах (прозападная либерально ориентированная и консервативно-традиционалистская) [30], вторые — трех (западная, государственно-державная и цивилизационная) [31], другие — четырех-пяти (неоатлантисты, неоевразийцы, геополитики и реалисты, глобалисты) [32]. Эти школы подчеркивают разный уровень культурного/цивилизационного отличия России от стран ЕС и Северной Америки. Сторонники европейского выбора делают акцент на сходстве России с западными странами и рассматривают так называемый Запад, его модель политического и экономического развития в качестве примера для подражания/копирования. К противоположной точке зрения относятся те, кто позиционирует Россию либо как отдельную цивилизацию с аутентичной системой ценностей, базирующуюся на нормах православия, либо как евразийскую, основанную на органическом синтезе христианских и мусульманских культур. Приверженцы этой школы рассматривают распространение западных ценностей и норм как угрозу безопасности страны в культурно-информационной сфере.

Таким образом, исходя из теоретических соображений, изложенных выше, можно ожидать, что лица, которые считают, что Россия принадлежит европейской/западной цивилизации, больше доверяют США / менее критично настроены к Америке (гипотеза 2).

Третий подход, объясняющий антиамериканизм, основывается на концепции козла отпущения. Истоки антиамериканизма следует искать в социально-психологическом механизме, который побуждает людей переносить недовольство

положением дел в своих странах на США. Теория козла отпущения (Scapegoat Theory) относится к тенденции обвинять кого-то другого в своих собственных проблемах. «Козел отпущения» — это крайняя форма предубеждения, при которой внешняя группа несправедливо обвиняется в том, что она намеренно причинила несчастье внутренней группе. Поиск козла отпущения — это социально-психологический процесс, посредством которого человек или группа лиц перекладывает вину за свои проблемы и неудачи на других. Это акт обвинения внешней группы, когда внутренняя группа испытывает разочарование или сталкивается с непреодолимыми препятствиями в достижении цели [33]. Можно обозначить два подхода к поиску козла отпущения, которые проистекают из разных психологических теорий. Согласно первому (психодинамическому) подходу, разочарование и чувство вины являются неизбежными последствиями ограничений обществом инстинктивных побуждений индивидов, особенно в отношении секса и агрессии. Для исключения социального хаоса люди должны быть социализированы (преимущественно родителями), чтобы ограничить свои естественные импульсы и перенаправить их на социально одобряемые дела [34]. В отличие от психодинамической точки зрения, теория фрустрации — агрессии характеризовала агрессию как следствие фрустрации. Первоначальная формулировка гипотезы фрустрации — агрессии гласила, что «возникновение агрессивного поведения всегда предполагает наличие фрустрации и, наоборот, наличие фрустрации всегда приводит к той или иной форме агрессии» [35, р. 1]. Через пару лет исследователи уточнили формулировку, заявив, что «фрустрация вызывает подстрекательство к агрессии, но это не единственный тип подстрекательства, который она может вызвать» [36, р. 339].

Важно отметить, что гипотеза козла отпущения имеет сложную теоретическую основу. На психологическом уровне она базируется на теории относительной депривации. Она предполагает, что люди, которые чувствуют, что их лишают чего-то, что считается важным в их обществе (например, денег, прав, политического голоса, статуса), организуют или присоединяются к общественным движениям, направленным на получение того, чего они чувствуют себя лишенными. Т. Гарр (T. Gurr) объясняет связь между относительной депривацией и политическим насилием. Он исследует вероятность того, что механизм фрустрации — агрессии, запускаемый чувством относительной депривации (несправедливым лишением чего-то или неудовлетворенностью своим положением), является основным источником человеческой способности к насилию. Т. Гарр утверждает, что, чем дольше отдельные люди или группы подвергаются относительным лишениям, тем больше вероятность того, что их разочарование приведет к гневу и, в конечном счете, к насилию [37].

Таким образом, получается, что люди, которые удовлетворены своим социально-экономическим статусом, менее склонны обвинять США, потому что они не чувствуют необходимости проецировать свое разочарование, которого нет или которое находится на минимуме, на какую-то другую страну. Ожидается, что граждане, не удовлетворенные своим материальным положением, с большей вероятностью не доверяют США (гипотеза 3).

Методы исследования и источники данных

Проверка сформулированных в настоящем исследовании рабочих гипотез осуществляется регрессионным анализом (статистическим методом, используемым для оценки взаимосвязи между зависимой переменной и независимыми предикторами).

В академической литературе можно выделить два подхода к измерению антиамериканизма. Первая точка зрения (социологическая/перцептивная) гласит, что антиамериканизм как совокупность отрицательных взглядов можно измерить с помощью ответов людей на вопросы социологической анкеты. В этом случае лиц, которые придерживаются невысокого мнения об американских гражданах, ценностях, символах, можно рассматривать как антиамерикански настроенных индивидов. В рамках данного подхода антиамериканизм представляет собой выражение набора негативных установок в отношении экономической и политической системы США, американского образа жизни и особенностей культуры, которые переносятся на страну и общество в целом, а нередко и на характер народа [38, р. 12]. Сторонники второй точки зрения (политологическая/бихевиористская) утверждают, что негативного отношения к политике США недостаточно для определения антиамериканизма. Говорить об антиамериканских настроениях можно тогда, когда они принимают форму конкретного политического поведения (например, демонстрации, протесты и другие действия против американского народа или символов США). В данном случае антиамериканизм является выражением целенаправленной неприязни [39]. В данной работе мы придерживаемся первого подхода.

Зависимая переменная — это доверие к НАТО. Она была операционализирована через ответы респондентов на следующий вопрос: «Скажите, насколько Вы доверяете Северо-Атлантическому Союзу — полностью доверяете, в некоторой степени доверяете, не очень доверяете или совсем не доверяете?» Необходимо отметить два момента. Первый касается выбора изменения переменной через доверие именно к НАТО, что обусловлено рядом факторов. Во-первых, в анкете отсутствует вопрос об отношении или уровне доверия конкретно к США. Во-вторых, в российском общественном мнении НАТО воспринимается как организация, которая действует по указке из Вашингтона и несамостоятельна в принятии решений. Иными словами, большинство граждан России считают НАТО международным институтом, полностью находящимся под контролем США, который защищает и продвигает интересы Вашингтона на международной арене [40; 41]. В данной работе мы исходим из следующей логики: чем выше (ниже) доверие к НАТО (США), тем меньше (больше) уровень антиамериканизма. Второй момент связан с использованием понятия доверия, а не отношения. Обычно уровень антиамериканизма измеряется путем ответа респондентов на следующий вопрос: «Как Вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки? — очень хорошо, в основном хорошо, в основном плохо и очень плохо». В используемой нами анкете такой вопрос отсутствовал. В силу этого условия нами было принято решение операционализировать зависимую переменную через вопрос о доверии.

Выбор независимых переменных, которые определяются теоретическими подходами и поставленными гипотезами, представлен в табл. 1.

Таблица 1. Операционализация независимых переменных

Независимые переменные	Вопрос из анкеты	Тип шкалы	Теоретический подход
Индекс Инглхарта	Что Вы считаете следующим по важности?	Бинарная	Теория постматериалистических ценностей Р. Инглхарта
Европейская идентичность	Скажите, насколько близким Вы себя чувствуете с Европой?	Порядковая	Теория столкновения цивилизаций С. Хантингтона
Удовлетворенность финансовым положением	Насколько Вы удовлетворены финансовым положением Вашей семьи?	Порядковая	Гипотеза козла отпущения / относительной депривации

В качестве контрольных переменных в работе были использованы такие социально-демографические показатели, как пол, возраст, уровень образования и доходов респондентов.

Описательная статистика по переменным представлена в табл. 2.

Таблица 2. Описательная статистика

Переменные	Среднее	Медиана	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
Антиамериканизм	3,31	4	0,814	1	4
Индекс Инглхарта	1,73	1	1,16	1	4
Европейская идентичность	1,72	2	1,23	1	4
Удовлетворенность финансовым положением	5,60	6	2,23	1	10
Пол	1,58	2	0,494	1	2
Возраст	45,4	43	17,12	18	91
Образование	4,94	5	1,83	1	8
Доходы	4,66	5	2,18	1	10

Источником информации стали данные социологического опроса, проведенные исследователями в рамках седьмой волны Всемирного исследования ценностей (World Values Survey, WVS). WVS — это международная некоммерческая исследовательская программа, посвященная научному изучению социальных, политических, экономических, религиозных и культурных ценностей людей в мире. Обширный географический и тематический охват, бесплатный доступ к данным опросов превратили WVS в одно из наиболее авторитетных и широко используемых межнациональных исследований в социальных науках. Анкетирование респондентов в России прошло в 2017 г. На данный момент это последний опрос. Выборка составила 1453 респондента. Статистические расчеты были выполнены в прикладном пакете по обработке данных Gretl.

Результаты исследования и обсуждение

В данном разделе статьи мы тестируем влияние трех объясняющих переменных, которые отражают ценностные ориентации, отношение к европейской идентичности, а также уровень удовлетворенности респондента. Для проверки сформулированных в ходе исследования рабочих гипотез и определения наиболее значимых факторов, влияющих на отношение населения к США, была построена порядковая логистическая регрессионная модель (табл. 3). После построения модели регрессии был сделан тест на обнаружение мультиколлинеарности. Статистический анализ методом инфляционных факторов (VIF) не обнаружил присутствия мультиколлинеарности. Необходимо отметить, что результаты в табл. 3 представлены с учетом робастных оценок стандартных ошибок (с поправкой на гетероскедастичность).

Таблица 3. Результаты эмпирического анализа

Переменные	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
Индекс Инглхарта	0,018	0,017	1,046	0,2958
Европейская идентичность	0,083	0,019	4,380	0,000001***
Удовлетворенность финансовым положением	-0,012	0,01	-1,215	0,2246
Пол	-0,083	0,042	-1,982	0,0477**
Возраст	-0,002	0,001	-1,640	0,1013
Образование	0,022	0,011	1,906	0,0569*
Доходы	-0,056	0,011	-4,946	0,00001***
const	7,423	2,595	2,860	0,0043***

Примечания: R-квадрат — 0,39. * Значимость на уровне 0,1. ** Значимость на уровне 0,05. *** Значимость на уровне 0,01.

Итак, как видно из табл. 3, взаимосвязи между антиамериканизмом и постматериалистическими ценностями граждан не наблюдается. Результаты анализа оказались статистически незначимыми ($p = 0,2958$, $p > 0,05$). Таким образом, можно заключить, что первая гипотеза, согласно которой лица, которые придерживаются постматериалистических ценностей, больше доверяют США, не получила своего подтверждения. Данный результат требует определенной интерпретации. Необходимо отметить, что граждане неодинаково воспринимают демократию, которая входит в число постматериалистических ценностей. Исследования показывают, что люди в различных регионах мира воспринимают демократию по-разному, что является результатом множества факторов, действующих как на индивидуальном, так и на общественном уровнях [42]. В менее экономически развитых странах люди отождествляют демократию с такими социальными благами, как более высокий уровень жизни, гарантированная занятость или личная безопасность,

но не определяют ее в терминах свободы [43]. Жители этих государств склонны отождествлять демократию, например, с процветающей экономикой, улучшением материальных условий жизни [44]. Анализ общественных настроений показывает, что для россиян наиболее важными являются социальные аспекты демократии, включающие защиту от бедности и снижение неравенства [45]. Исследователи полагают, что, в то время как представители элиты склонны подчеркивать верховенство закона и порядка, граждане в своем понимании демократии отдают приоритет понятию свободы [46]. В демократических государствах доминируют либеральные представления о демократии, то есть представления о гражданских свободах, которые дают людям право на самоопределение и голоса в политике. В авторитарных странах преобладают представления о демократии как о подчинении «мудрым» правителям, чья власть не поддается конституционным проверкам, общественной критике и оспариванию на выборах [47]. Таким образом, граждане страны, которые выступают за демократию в России, могут относиться или относиться с подозрением к США и его политике.

Согласно результатам регрессионного анализа, вторая рабочая гипотеза, сформулированная на основе концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона, получила свое эмпирическое подтверждение. На это указывает p -значение и знак коэффициента. Другими словами, чем больше граждане считают Россию принадлежащей к европейской цивилизации, тем выше доверие к НАТО и тем менее критично они настроены по отношению к США. Коэффициент переменной «Европейская идентичность» равен 0,083, что позволяет интерпретировать его следующим образом: *при увеличении у респондентов чувства близости с Европой на одну единицу уровень доверия к НАТО вырастает на 0,083 пунктов*. Важно подчеркнуть, что этот результат исследования совпадает с данными по другим регионам и странам [48].

Что касается третьей гипотезы, согласно которой граждане, неудовлетворенные своим материальным положением, с большей вероятностью перенесут это недовольство на Вашингтон, выдвинутой на базе теории социальной депривации и концепции козла отпущения, то она не получила подтверждения. Другими словами, построенная регрессионная модель оказалась статистически незначимой. Для этого стоит обратиться к теории модернизации. Согласно преобладающему в литературе подходу, средний класс считается защитником и сторонником либеральной демократии, фактором социально-политического перехода к этому политическому режиму. Исследования показывают, что российский средний класс поддерживает В. В. Путина и при наличии выбора предпочитает поддержание политического статуса-кво [49]. Это обусловлено тем, что представители данного класса зависят от государства в плане получения средств к существованию [50]. Российский средний класс в последние два десятилетия развивается в условиях авторитарных государственных институтов и широкого участия государства в экономике. Большинство представителей российского среднего класса — это профессионалы, получающие зарплату из государственного бюджета, и государственные служащие [51]. По мнению исследователей, экономическая зависимость от государственных органов является препятствием для демократического участия из-за риска потери работы, а экономическая автономия (зарабатывание на жизнь независимо от государства) выступает предпосылкой функционирования демократических институтов [52]. В этих условиях отношение представителей среднего класса к демократии

и, следовательно, к США как олицетворению этого режима в мире зависит от политического курса государства и позиции российских властей.

В ходе исследования также были получены некоторые интересные результаты при работе с контрольными переменными, которые требуют интерпретации. Результаты показывают, что женщины в большей степени не доверяют США и, следовательно, более критично настроены в отношении Вашингтона. Так, если посмотреть вариант ответа «Не очень доверяю», то распределение выглядит следующим образом: женщины — 60,5 %, а мужчины — 39,5 %. Что касается ответа «Совсем не доверяю», то гендерное распределение следующее — 55,5 % (женщины) и 44,6 % (мужчины). Данные регрессионного анализа говорят о положительной взаимосвязи между уровнем образования и доверием к США: чем выше уровень образования респондента, тем выше его доверие и ниже степень антиамериканизма. Эти результаты согласуются с предыдущими исследованиями, показывающими, что люди с высшим образованием, особенно на уровне университетов, менее авторитарны и более терпимы, чем те, у кого его нет [53]. М. Липсет (M. Lipset) подчеркивал прямую связь между демократией и образованием, указывая на наличие устойчивой демократии в странах с высоким уровнем образования. Он предполагает, что страны, имеющие хорошо образованное население, также имеют более высокий уровень поддержки демократических ценностей [54]. Более высокий уровень образования смягчает тенденцию к авторитарным предпочтениям и установкам в силу действия ряда причинно-следственных механизмов. Во-первых, лица с высшим образованием обладают определенными качествами, которые делают их естественным оплотом против авторитарных тенденций. Это независимое (критическое) мышление, уважение к разнообразию, рассмотрение различных точек зрения, а также гражданская активность. Во-вторых, более высокий уровень образования знакомит людей с различными контекстами, историями, идеями, образами жизни, религиями, укладами жизни и культурами [55; 56].

Заключение

Социологические опросы показывают высокий уровень антиамериканских настроений в российском обществе. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать причины негативного отношения граждан страны к США. Результаты настоящего исследования свидетельствуют о том, что, чем больше граждане считают Россию принадлежащей к европейской цивилизации, тем выше у них доверие к НАТО и менее критично они настроены по отношению к США. Для тех лиц, кто придерживается точки зрения, что Россия представляет собой самостоятельную/евразийскую или какую-нибудь иную цивилизацию, характерно негативное отношение к США. Другими словами, объяснение антиамериканизма в России зависит от отношения граждан к национальной идентичности. Другим выводом исследования является то, что антиамериканизм в России не зависит от ценностей, которых придерживаются граждане (традиционных или постматериалистических). Согласно статистическим расчетам, тезис о том, что граждане, неудовлетворенные своим материальным положением, более критично относятся к США, не получил подтверждения. Иными словами, эта широко распространенная точка зрения (гипотеза козла отпущения) не прошла эмпирическую проверку. Результаты опросов

также убедительно свидетельствуют о том, что уровень антиамериканизма у женщин выше, чем у мужчин. Данные настоящего исследования показывают, что лица с более высоким уровнем образования менее критично настроены в отношении Америки.

Необходимо описать ограничения исследования и сделать ряд оговорок относительно полученных результатов и возможностей их интерпретации. Во-первых, каждая из рассматриваемых теорий сводится к одной переменной, чего может быть недостаточно для серьезных выводов, поэтому результаты анализа носят только предварительный характер. Во-вторых, с целью дополнительной проверки гипотез и валидности полученных данных в будущих исследованиях необходимо использовать качественные методы исследования (глубинные интервью и фокус-группы). В-третьих, выводы данного исследования сделаны на основе социологического опроса, проведенного в 2017 г. В силу того, что общественное мнение может быть переменчивым (зависит от обстоятельств, информации и событий, происходящих в обществе), для расширения понимания истоков антиамериканизма важно анализировать временные ряды.

Литература

1. Россияне об Америке: новый «ледниковый период»? // ВЦИОМ. 2022. 06.04. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-ob-amerike-novyi-lednikovyi-period> (дата обращения: 04.05.2023).
2. Попов Н. П. Общественное мнение в России и США о российско-американских отношениях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 3. С. 53–65.
3. Жирков К. А. Антиамериканизм как ресентимент и политическая позиция: поиск универсальных закономерностей // Полития. 2014. № 3. С. 134–148.
4. Гарусова Л. Н. Российско-американские отношения и феномен антиамериканизма в постсоветской России // Россия и АТР. 2010. № 1. С. 78–86.
5. Андреев Р. В. Антиамериканизм в современной России: общие тенденции и специфические черты // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. 2011. № 3. С. 99–106.
6. Гудков Л. Д. Структура и функции российского антиамериканизма: фаза мобилизации 2012–2015 годов // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. № 3–4. С. 15–44.
7. Guriev S., Trudolyubov M., Tsyvinski A. Russian Attitudes Toward the West. 2008. (CEFIR Working Paper; no. 135). URL: <https://www.nes.ru/files/Preprints-resh/WP135.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).
8. Sokolov B., Inglehart R. F., Ponarin E., Vartanova I., Zimmerman W. Disillusionment and anti-Americanism in Russia: From pro-American to anti-American Attitudes, 1993–2009 // International Studies Quarterly. 2018. Vol. 62, no. 3. P. 534–547. <https://doi.org/10.1093/isq/sqy013>
9. Glaeser E. L. The Political Economy of Hatred. 2002. (Working Paper; no. 9171). URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w9171/w9171.pdf (дата обращения: 10.04.2023).
10. Дубин Б. Антиамериканизм в европейской культуре после Второй мировой войны // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 3. С. 44–50.
11. Новиков Д. В. «Антизападничество» как стратегия рационального поведения современной российской элиты // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2008. № 1. С. 48–60.
12. Волков Д. А. Российский антиамериканизм в зеркале опросов общественного мнения // Социодиггер. 2022. № 12. С. 9–14.
13. Mayer R. C., Davis J. H., Schoorman F. D. An integrative model of organizational trust // Academy of Management Review. 1995. Vol. 20, no. 3. P. 709–734. <https://doi.org/10.5465/AMR.1995.9508080335>
14. Rousseau D. M., Sitkin S. B., Burt R. S., Carmerer C. Not so different after all: A cross-discipline view of trust // Academy of Management Review. 1998. Vol. 23, no. 3. P. 393–404. <https://doi.org/10.5465/AMR.1998.926617>
15. McKnight H., Chervany N. Trust and distrust definitions: One bite at a time // Trust in Cyber-societies: Integrating the Human and Artificial Perspectives. Berlin: Springer, 2001. P. 27–54.

16. *Sirdeshmukh D., Singh J., Sabol B.* Consumer trust, value, and loyalty in relational exchanges // *Journal of Marketing*. 2002. Vol. 66, no. 1. P. 15–37. <https://doi.org/10.1509/jmkg.66.1.15.18449>
17. *Bigley G. A., Pearce J. L.* Straining for shared meaning in organisational science: Problems of trust and distrust // *Academy of Management Review*. 1998. Vol. 23, no. 3. P. 405–421. <https://doi.org/10.5465/AMR.1998.926618>
18. *Lewicki R. J., McAllister D. J., Bies R. J.* Trust and distrust: New relationships and realities // *Academy of Management Review*. 1998. Vol. 23, no. 3. P. 438–458. <https://doi.org/10.2307/259288>
19. *Cho J.* The mechanism of trust and distrust formation and their relational outcomes // *Journal of Retailing*. 2006. Vol. 82, no. 1. P. 25–35. <https://doi.org/10.1016/j.jretai.2005.11.002>
20. *Luhmann N.* *Trust and Power*. Chichester: Wiley, 1979.
21. *Kramer R. M.* Trust and distrust in organizations: Emerging perspectives, enduring questions // *Annual Review of Psychology*. 1999. Vol. 50. P. 569–598. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.50.1.569>
22. *Lewicka D., Zakrzewska-Bielawska A. F.* Trust and distrust in interorganisational relations — Scale development // *PLoS ONE*. 2022. Vol. 17, no. 12. P. e0279231. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0279231>
23. *Sztompka P.* Trust, distrust and two paradoxes of democracy // *European Journal of Social Theory*. 1998. Vol. 1, no. 1. P. 19–32.
24. *Welch M.* Rethinking relationship. Management, exploring the dimension of trust // *Journal of Communication Management*. 2006. Vol. 10, no. 2. P. 138–155. <https://doi.org/10.1108/13632540610664706>
25. *Moody G. D., Galletta D. F., Lowry P. B.* When trust and distrust collide online: The engenderment and role of consumer ambivalence in online consumer behavior // *Electronic Commerce Research and Applications*. 2014. Vol. 13, no. 4. P. 266–282. <https://doi.org/10.1016/j.elerap.2014.05.001>
26. *Вельцель К.* *Рождение свободы*. М.: ВЦИОМ, 2018.
27. *Инглхарт П., Вельцель К.* *Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития*. М.: Новое издательство, 2011.
28. *Хантингтон С.* *Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности*. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004.
29. *Хантингтон С.* *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ, 2003.
30. *Chebankova E.* Ideas, ideology & intellectuals in search of Russia's political future // *Daedalus*. 2017. Vol. 146, no. 2. P. 76–88.
31. *Tsygankov A., Tsygankov P.* National ideology and IR theory: Three incarnations of the “Russian idea” // *European Journal of International Relations*. 2010. Vol. 16, no. 4. P. 663–686.
32. *Сергунин А. А.* *Российская внешнеполитическая мысль: проблемы национальной и международной безопасности*. Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, 2003.
33. *Allport G. W.* *The nature of prejudice*. Cambridge: Addison-Wesley, 1954.
34. *Glick P.* *Choice of Scapegoats // On the Nature of Prejudice: Fifty Years after Allport*. Hoboken: Blackwell Publishing, 2005. P. 244–261.
35. *Dollard J., Miller N., Doob L., Mowrer O., Sears R.* *Frustration and aggression*. New Haven: Yale University Press, 1939.
36. *Miller N. E.* The frustration-aggression hypothesis // *Psychological Review*. 1941. Vol. 48, no. 4. P. 337–342.
37. *Гарр Т. П.* *Почему люди бунтуют*. СПб.: Питер, 2005.
38. *Katzenstein P., Keohane R.* *Varieties of Anti-Americanism: A Framework for Analysis // Anti-Americanisms in World Politics*. Ithaca; New York: Cornell University Press, 2007. P. 9–38.
39. *Chiozza G.* *Anti-Americanism and the American World Order*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009.
40. *Восприятие НАТО населением России. Аналитический отчет ВЦИОМ // ВЦИОМ*. 2006. URL: <https://www.nato.int/docu/other/ru/2006/060511/PPT-Presentation-of-Polikanov.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).
41. *Россияне о НАТО. Аналитический отчет // ВЦИОМ*. 2013. Ноябрь. URL: https://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2013_nio/20131202_131129-nio-survey-analytical.pdf (дата обращения: 04.05.2023).
42. *Canache D.* Citizens' conceptualizations of democracy: Structural complexity, substantive content, and political significance // *Comparative Political Studies*. 2012. Vol. 45, no. 9. P. 1132–1158.
43. *Dalton R., Sin T., Jou W.* Understanding democracy: Data from Unlikely Places // *Journal of Democracy*. 2007. Vol. 18, no. 4. P. 142–156.
44. *De Regt S.* Arabs want democracy, but what kind? // *Advances in Applied Sociology*. 2013. Vol. 3, no. 1. P. 37–46.

45. Салмина А. А. Особенности понимания демократии и их взаимосвязь с ресурсными характеристиками населения: на примере России и Германии // Социологический журнал. 2018. № 3. С. 76–97. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5994>
46. Miller A. H., Hesli V. L., Reisinger W. M. Conceptions of democracy among mass and elite in post-Soviet societies // British Journal of Political Science. 1997. Vol. 27, no. 2. P. 157–190.
47. Zagrebina A. Concepts of democracy in democratic and nondemocratic countries // International Political Science Review. 2019. Vol. 41, no. 4. P. 174–191. <https://doi.org/10.1177/0192512118820716>
48. Glas S., Spierings N. Connecting contextual and individual drivers of anti-Americanism in Arab countries // Political Studies. 2020. Vol. 69, no. 4. P. 686–708. <https://doi.org/10.1177/0032321720923261>
49. Росс К. Российский средний класс: агент демократии или оплот консерватизма? // Политическая наука. 2017. № 1. С. 163–185.
50. Gontmakher E., Ross C. The middle class and democratisation in Russia // Europe-Asia Studies. 2015. Vol. 67, no. 2. P. 269–284. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.1001578>
51. Rosenfeld B. Reevaluating the middle-class protest paradigm: A case-control study of democratic protest coalitions in Russia // American Political Science Review. 2017. Vol. 111, no. 4. P. 1–16. <https://doi.org/10.1017/S000305541700034X>
52. McMann K. M. Economic Autonomy and Democracy: Hybrid Regimes in Russia and Kyrgyzstan. New York: Cambridge University Press, 2006.
53. Acemoglu D., Simon R., James A., Yared P. From education to democracy? // The American Economic Review. 2005. Vol. 95, no. 2. P. 44–49.
54. Лунцев М. Политический человек: социальные основания политики. М.: Мысль, 2016.
55. Aleman E., Kim Ye. The democratizing effect of education // Research and Politics. 2015. Vol. 2, no. 4. P. 1–7. <https://doi.org/10.1177/2053168015613360>
56. Castello-Climent A. On the distribution of education and democracy // Journal of Development Economics. 2008. Vol. 87, no. 2. P. 179–190. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2007.10.006>

Статья поступила в редакцию 4 февраля 2024 г.;
рекомендована к печати 28 апреля 2024 г.

Контактная информация:

Мухаметов Руслан Салихович — muhametov.ru@mail.ru

Why Russians don't trust the USA: Analysis of World Values Survey data

R. S. Mukhametov

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
19, pr. Mira, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation

For citation: Mukhametov R. S. Why Russians don't trust the USA: Analysis of World Values Survey data. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, issue 2, pp. 175–191. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.204> (In Russian)

Public opinion polls in Russia show that the majority of Russians have a negative attitude towards the United States. Under these conditions, it seems interesting to understand the origins of anti-American sentiments in Russian society. The purpose of this article is to identify the factors that explain the nature of anti-Americanism in the mass consciousness of the country's citizens. The source of the information was the data of the seventh wave of the World Values Survey. The author has tried to empirically test a number of working hypotheses formulated on the basis of the main provisions of the theory of post-materialistic values of R. Inglehart, S. Huntington's clash of civilizations concepts, as well as the Scapegoat theory. The data obtained indicate that the more citizens consider Russia to belong to European civilization, the higher their trust in the United States. For those who adhere to the point of view that Russia is an independent/Eurasian or some other civilization, a negative attitude towards the United

States is characteristic. It is shown that anti-Americanism in Russia does not depend on the values that citizens adhere to (traditional or post-materialistic). It was found that the thesis that citizens who are dissatisfied with their financial situation are more likely to transfer this discontent to USA has not been confirmed. An important result of the study is that the level of anti-Americanism in women is higher than in men. The article emphasizes that people with a higher level of education are less critical of Washington. The results of this study demonstrate that the Russian public is very sensitive to pro-government news content.

Keywords: anti-Americanism, public opinion, US foreign policy, clash of civilizations, Scapegoat theory.

References

1. *Russians about America: a new "ice age"?* Moscow, 2022. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-ob-amerike-novy-vednikovy-period> (accessed: 04.05.2023). (In Russian)
2. Popov, N. P. Public opinion in Russia and the USA on Russian-American relations. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2015, no. 3, pp. 53–65. (In Russian)
3. Zhirkov, K. A. Anti-Americanism as a resentment and a political position: The search for universal patterns. *Politiia*, 2014, no. 3, pp. 134–148. (In Russian)
4. Garusova, L. N. Russian-American relations and the phenomenon of anti-Americanism in post-Soviet Russia. *Rossiia i ATR*, 2010, no. 1, pp. 78–86. (In Russian)
5. Andreev, R. V. Anti-Americanism in modern Russia: General trends and specific features. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Politologiya*, 2011, no. 3, pp. 99–106. (In Russian)
6. Gudkov, L. D. The structure and functions of Russian anti-Americanism: The mobilization phase of 2012–2015. *Vestnik obshchestvennogo mneniia: Dannye. Analiz. Diskussii*, 2015, no. 3–4, pp. 15–44. (In Russian)
7. Guriev, S., Trudolyubov, M., Tsyvinski, A. *Russian Attitudes Toward the West*. 2008. (CEFIR Working Paper; no. 135). Available at: <https://www.nes.ru/files/Preprints-resh/WP135.pdf> (accessed: 10.04.2023).
8. Sokolov, B., Inglehart, R. F., Ponarin, E., Vartanova, I., Zimmerman, W. Disillusionment and anti-Americanism in Russia: From pro-American to anti-American attitudes, 1993–2009. *International Studies Quarterly*, 2018, vol. 62, no. 3, pp. 534–547. <https://doi.org/10.1093/isq/sqy013>
9. Glaeser, E. L. *The Political Economy of Hatred*. 2002. (Working Paper; no. 9171). Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w9171/w9171.pdf (accessed: 10.04.2023).
10. Dubin, B. Anti-Americanism in European culture after the Second World War. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2002, no. 3, pp. 44–50. (In Russian)
11. Novikov, D. V. "Anti-Westernism" as a strategy of rational behavior of the modern Russian elite. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya*, 2008, no. 1, pp. 48–60. (In Russian)
12. Volkov, D. A. Russian anti-Americanism in the mirror of public opinion polls. *SocioDigger*, 2022, no. 12, pp. 9–14. (In Russian)
13. Mayer, R. C., Davis, J. H., Schoorman, F. D. An integrative model of organizational trust. *Academy of Management Review*, 1995, vol. 20, no. 3, pp. 709–734. <https://doi.org/10.5465/AMR.1995.9508080335>
14. Rousseau, D. M., Sitkin, S. B., Burt, R. S., Carmerer, C. Not so different after all: A cross-discipline view of trust. *Academy of Management Review*, 1998, vol. 23, no. 3, pp. 393–404. <https://doi.org/10.5465/AMR.1998.926617>
15. McKnight, H., Chervany, N. Trust and distrust definitions: One bite at a time. *Trust in Cyber-societies: Integrating the Human and Artificial Perspectives*. Berlin, Springer, 2001, pp. 27–54.
16. Sirdeshmukh, D., Singh, J., Sabol, B. Consumer trust, value, and loyalty in relational exchanges. *Journal of Marketing*, 2002, vol. 66, no. 1, pp. 15–37. <https://doi.org/10.1509/jmkg.66.1.15.18449>
17. Bigley, G. A., Pearce, J. L. Straining for shared meaning in organisational science: Problems of trust and distrust. *Academy of Management Review*, 1998, vol. 23, no. 3, pp. 405–421. <https://doi.org/10.5465/AMR.1998.926618>
18. Lewicki, R. J., McAllister, D. J., Bies, R. J. Trust and distrust: New relationships and realities. *Academy of Management Review*, 1998, vol. 23, no. 3, pp. 438–458. <https://doi.org/10.2307/259288>
19. Cho, J. The mechanism of trust and distrust formation and their relational outcomes. *Journal of Retailing*, 2006, vol. 82, no. 1, pp. 25–35. <https://doi.org/10.1016/j.jretai.2005.11.002>
20. Luhmann, N. *Trust and Power*. Chichester, Wiley, 1979.

21. Kramer, R.M. Trust and distrust in organizations: Emerging perspectives, enduring questions. *Annual Review of Psychology*, 1999, vol. 50, pp. 569–598. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.50.1.569>
22. Lewicka, D., Zakrzewska-Bielawska, A. F. Trust and distrust in interorganizational relations — Scale development. *PLoS ONE*, 2022, vol. 17, no. 12, p. e0279231. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0279231>
23. Sztompka, P. Trust, distrust and two paradoxes of democracy. *European Journal of Social Theory*, 1998, vol. 1, no. 1, pp. 19–32.
24. Welch, M. Rethinking relationship. Management, exploring the dimension of trust. *Journal of Communication Management*, 2006, vol. 10, no. 2, pp. 138–155. <https://doi.org/10.1108/13632540610664706>
25. Moody, G. D., Galletta, D. F., Lowry, P. B. When trust and distrust collide online: The engenderment and role of consumer ambivalence in online consumer behavior. *Electronic Commerce Research and Applications*, 2014, vol. 13, no. 4, pp. 266–282. <https://doi.org/10.1016/j.elerap.2014.05.001>
26. Welzel, K. *The birth of freedom*. Moscow, VCIOM Publ., 2018. (In Russian)
27. Inglehart R., Welzel K. *Modernization, cultural change and democracy. The sequence of human development*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2011. (In Russian)
28. Huntington, S. *Who are we?: Challenges of American national identity*. Moscow, AST Publ.; Tranzitkniga Publ., 2004. (In Russian)
29. Huntington, S. *Clash of civilizations*. Moscow, AST Publ., 2003. (In Russian)
30. Chebankova, E. Ideas, ideology & intellectuals in search of Russia's political future. *Daedalus*, 2017, vol. 146, no. 2, pp. 76–88.
31. Tsygankov, A., Tsygankov, P. National ideology and IR theory: Three incarnations of the “Russian idea”. *European Journal of International Relations*, 2010, vol. 16, no. 4, pp. 663–686.
32. Sergunin, A. A. *Russian foreign policy thought: Problems of national and international security*. Nizhnii Novgorod: LUNN Press, 2003. (In Russian)
33. Allport, G. W. *The nature of prejudice*. Cambridge, Addison-Wesley, 1954.
34. Glick, P. Choice of Scapegoats. *On the Nature of Prejudice: Fifty Years after Allport*. Hoboken, Blackwell Publishing, 2005, pp. 244–261.
35. Dollard, J., Miller, N., Doob, L., Mowrer, O., Sears, R. *Frustration and Aggression*. New Haven, Yale University Press, 1939.
36. Miller, N.E. The frustration-aggression hypothesis. *Psychological Review*, 1941, vol. 48, no. 4, pp. 337–342.
37. Gurr, T. R. *Why people rebel*. St. Petersburg, Piter Publ., 2005. (In Russian)
38. Katzenstein, P., Keohane, R. *Varieties of Anti-Americanism: A Framework for Analysis. Anti-Americanisms in World Politics*. Ithaca, New York, Cornell University Press, 2007, pp. 9–38.
39. Chiozza, G. *Anti-Americanism and the American World Order*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 2009.
40. *Perception of NATO by the Russian population*. 2006. Available at: <https://www.nato.int/docu/other/ru/2006/060511/PPT-Presentation-of-Polikanov.pdf> (accessed: 04.05.2023). (In Russian)
41. *Russians about NATO. Analytical report*. 2013. Available at: https://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2013_nio/20131202_131129-nio-survey-analytical.pdf (accessed: 04.05.2023). (In Russian)
42. Canache, D. Citizens' conceptualizations of democracy: Structural complexity, substantive content, and political significance. *Comparative Political Studies*, 2012, vol. 45, no. 9, pp. 1132–1158.
43. Dalton, R., Sin, T., Jou, W. Understanding democracy: Data from Unlikely Places. *Journal of Democracy*, 2007, vol. 18, no. 4, pp. 142–156.
44. De Regt, S. Arabs want democracy, but what kind? *Advances in Applied Sociology*, 2013, vol. 3, no. 1, pp. 37–46.
45. Salmina, A. A. Features of understanding democracy and their relationship with the resource characteristics of the population: On the example of Russia and Germany. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2018, no. 3, pp. 76–97. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5994> (In Russian)
46. Miller, A. H., Hesli, V. L., Reisinger, W. M. Conceptions of democracy among mass and elite in post-Soviet societies. *British Journal of Political Science*, 1997, vol. 27, no. 2, pp. 157–190.
47. Zagrebina, A. Concepts of democracy in democratic and nondemocratic countries. *International Political Science Review*, 2019, vol. 41, no. 4, pp. 174–191. <https://doi.org/10.1177/0192512118820716>
48. Glas, S., Spierings, N. Connecting contextual and individual drivers of anti-Americanism in Arab countries. *Political Studies*, 2020, vol. 69, no. 4, pp. 686–708. <https://doi.org/10.1177/0032321720923261>
49. Ross, K. The Russian middle class: An agent of democracy or a bulwark of conservatism? *Political Science*, 2017, no. 1, pp. 163–185. (In Russian)
50. Gontmakher, E., Ross, C. The middle class and democratisation in Russia. *Europe-Asia Studies*, 2015, vol. 67, no. 2, pp. 269–284. (In Russian)

51. Rosenfeld, B. Reevaluating the middle-class protest paradigm: A case-control study of democratic protest coalitions in Russia. *American Political Science Review*, 2017, vol. 111, no. 4, pp. 1–16. <https://doi.org/10.1017/S000305541700034X>
52. McMann K. M. *Economic autonomy and democracy: Hybrid regimes in Russia and Kyrgyzstan*. New York, Cambridge University Press, 2006.
53. Acemoglu, D., Simon, R., James, A., Yared, P. From education to democracy? *The American Economic Review*, 2005, vol. 95, no. 2, pp. 44–49.
54. Lipset, M. *Political man: Social foundations of Politics*. Moscow: Mysl' Publ., 2016. (In Russian)
55. Aleman, E., Kim, Ye. The democratizing effect of education. *Research and Politics*, 2015, vol. 2, no. 4, pp. 1–7. <https://doi.org/10.1177/2053168015613360>
56. Castello-Climent, A. On the distribution of education and democracy. *Journal of Development Economics*, 2008, vol. 87, no. 2, pp. 179–190. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2007.10.006>

Received: February 4, 2024

Accepted: April 28, 2024

Author's information:

Ruslan S. Mukhametov — muhametov.ru@mail.ru